

ДОКТРИНА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ ЕДИНСТВА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Н. С. Конеева, konevans@susu.ru

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. Исследуется роль доктринально-юридических конструкций в формировании конституционной модели единой публичной власти, анализируется их влияние на определение векторов правового развития и конструирование образа правовой действительности. Модель рассматривается как продукт концептуализации правовой доктрины с выявлением проблем соответствия между доктриной и ее реализацией.

Ключевые слова: конституционная доктрина, доктрина публичной власти, публичная власть, конституционная модель публичной власти.

Для цитирования: Конеева Н. С. Доктрина как фактор формирования конституционно-правовой модели единства публичной власти // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2025. Т. 25. № 4. С. 66–71. DOI: 10.14529/law250409.

Original article
DOI: 10.14529/law250409

DOCTRINE AS A FORMATION FACTOR OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL MODELS OF A UNIFIED PUBLIC AUTHORITY

N. S. Koneva, konevans@susu.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The role of doctrinal and legal constructs in the formation of a constitutional model of unified public authority is explored, and their influence on determining the vectors of legal development and constructing the image of legal reality is analyzed. The model is viewed as a product of the conceptualization of legal doctrine, identifying issues of correspondence between doctrine and its implementation.

Keywords: constitutional doctrine, public authority doctrine, public authority, constitutional model of public authority.

For citation: Koneva N. S. Doctrine as a formation factor of constitutional and legal models of a unified public authority. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2025. vol. 25. no. 4. pp. 66–71. (in Russ.) DOI: 10.14529/ law250409.

Введение. Современная доктрина конституционного права оперирует многообразным категориальным аппаратом, описывающим публичную власть (концепция, доктрина, модель, теория, парадигма). Не будучи полными синонимами, эти категории в научном дискурсе сближаются, порождая терминологическую нечеткость. Но и игнорирование их системной взаимосвязи методологически ошибочно, поскольку выявление ее характера обладает не только теоретической значимостью, но и прагматическим потенциалом – способствует выработке адекватного категориально-

понятийного аппарата, преодолевающего лексическую неоднородность языка Конституции России и текущего законодательства [3, с. 25].

Доктрина служит основой правовой модели не в догматическом, а в концептуальном ключе – через категории должного и желаемого, в то время как правовая модель выступает инструментом перехода от состояния «сущего» к состоянию «должного». Методологической основой исследования является тезис о диалектической взаимосвязи правовой догматики и правоприменительной практики, а также о каузальной роли теоретико-

правовых предпосылок в процессе конституционно-правового моделирования институтов публичной власти.

Концептуальный уровень моделирования: роль доктрины в правовом моделировании. Категория «модель» занимает одно из центральных мест в методологии конституционно-правовых исследований, поскольку предоставляет аппарат для концептуализации сложных юридических феноменов, разделяя их на структурные элементы, выявляя корреляционные зависимости между ними и позволяя формулировать научно обоснованные предположения о векторе развития. Как отмечает Ю. А. Тихомиров, модель представляет собой прогнозируемый вариант оптимального правового регулирования, определяющий цели и средства формирования нового правового состояния [5, с. 11].

Сущностным назначением правовой модели как познавательного образа выступает отражение ключевых характеристик государственно-правовой действительности, то есть функционально она служит достижению государственных целей через упорядочение общественных отношений, выступая проектной основой (например, для концепций развития законодательства).

Доктрина – система взглядов, объединяющая научные концепции и принципы государственной деятельности, которая реализуется через политические программы и нормативные акты, сочетая теоретико-мировоззренческую и инструментально-регулятивную функции. Структурно доктрина включает теоретический, нормативный и интерпретационный компоненты, обеспечивая преобразование знаний в практику. Н. А. Богданова так подчеркивает связь доктрины с практикой: ее назначение заключается «в утверждении, распространении, а возможно, в насаждении, навязывании идей, составляющих ее содержание, с целью их применения в практической деятельности» [2, с. 191]. То есть доктрина функциональна, направлена на практическое формирование конституционных институтов.

Следует разграничивать категории «доктрина» и «правовая модель». Доктрина трактуется как система идей и ценностных ориентиров, задающая концепцию «должного»; правовая модель – как формализованный институционально-процедурный дизайн, воплощающий доктринальные установки в «сущем». Доктрина выражается через ценност-

ные суждения и принципы высокой степени общности; модель – через институциональный дизайн и процедурные механизмы. Данное разграничение позволяет исследовать их взаимосвязь не как данность, а как сложный процесс адаптации доктрины к внешним ограничениям.

При этом взаимосвязь доктрины и модели представляет собой сложный феномен: доктрина как теоретико-идеологическая основа формирует концептуальные рамки для реализации модели, а модель является практическим воплощением доктринальных постулатов. Интерпретативная и прогностическая функции доктрины играют ключевую роль в процессе идентификации правовой системы. Будучи продуктом тесного взаимодействия с юридической практикой, доктрина тем не менее обладает выраженной ценностной и политической ориентацией. Данная дуальность предопределяет, что смоделированные на ее основе механизмы публичной власти становятся практическим воплощением и инструментом реализации нормативно-идеологического фундамента.

По замечанию В. С. Нерсисянца, право, закон говорят на доктринальном языке [4, с. 393]. Гносеологическая задача юридической науки заключается не только в концептуализации правовых процессов, но и в конструировании целостного образа правовой действительности и стратегических моделей правового развития. Доктринально-юридические конструкции играют важную роль в понимании и управлении правовым развитием, позволяя выявлять закономерности, формировать прогнозы и разрабатывать модели.

Правовая доктрина публичной власти, будучи совокупностью теоретических концепций и принципов, формирующих понимание природы публичной власти, ее системы и механизмов функционирования, служит инструментом интерпретации права и определяет основы правового регулирования общественных отношений. Получая официальное воплощение в правотворческом процессе, доктрина становится одним из ключевых элементов конституционного моделирования государственного развития [6, с. 34].

Исследование доктринальных основ правовой модели публичной власти исходит из ее определяющей роли. Доктрина задает векторы правового развития, формируя единое понимание правовой действительности и вы-

полняя прогностическую функцию. Экстраполяция существующих тенденций позволяет выявлять системные риски и вырабатывать обоснованные стратегии нормотворчества. Кроме того, доктрина участвует в легитимации властных решений, выполняя инструментальную роль.

Формирование и реализация доктрины единства публичной власти в Российской Федерации – пример классического пути развития: от философско-правовой концепции и интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ к прямому закреплению в тексте Конституции РФ и дальнейшей разработке основанной на ней правовой модели. Справедливости ради отметим, что, несмотря на убедительность исторической реконструкции генезиса доктрины единства публичной власти, тезис о ее «конституирующей» роли по отношению к правовой модели представляется дискуссионным. Более взвешенной выглядит позиция, согласно которой доктрина выполняет не столько созидательную, сколько легитимирующую и систематизирующую функцию. Анализ практики конституционных реформ, в том числе и реформы 2020 года, свидетельствует, что, первичными могут выступать политические решения, которые впоследствии облекаются в доктринальную оболочку [2, с. 48]. Другими словами, доктрина не столько предопределяет модель, сколько может выступить инструментом *ex post facto* рационализации и легитимации уже сложившейся или формирующейся модели власти, что способно снизить ее прогностический и конституирующий потенциал.

Практическое воплощение правовой доктрины в правовой модели власти: закономерности и противоречия. При обращении к анализу взаимодействия доктрины и правовой модели единства публичной власти необходимо отметить дискуссионный статус этой доктрины в науке конституционного права. Вопрос о том, представляет ли собой совокупность научных взглядов, нормативных положений и правовых позиций, обосновывающих единство системы публичной власти, сформировавшуюся правовую доктрину, остается открытым. В качестве аргументов в пользу сформировавшейся доктрины выступают ее прямое текстуальное закрепление в Конституции РФ (ст. 1, 3), обширная база в виде решений Конституционного Суда РФ, а также ее нормативное развитие в отраслевом

законодательстве. В то же время существуют и аргументы против в числе которых относительная новизна концепции, наличие противоречий с устоявшимися принципами (например, разделения властей и самостоятельности местного самоуправления), а также продолжающиеся научные споры о ее содержании и границах. Компромиссная позиция – считать доктрину единства публичной власти находящейся в состоянии активного формирования и институционализации, что делает ее интересным объектом для исследования с точки зрения механизмов перехода от доктринального обоснования к правовому моделированию.

Для целей настоящего исследования мы исходим из того, что конституционная реформа 2020 года придала концепции единства публичной власти достаточный нормативный вес и системность, чтобы рассматривать ее в качестве действующей, но формирующейся доктрины.

Теоретическая конструкция единства публичной власти сталкивается с противоречиями при имплементации в правовые модели. Это создает методологический конфликт между целостной природой доктрины («должное») и отраслевой фрагментацией правового регулирования («сущее»), воспроизводящей традиционную систему разделения властей.

Противоречие между доктринальным идеалом и вариативностью правового моделирования проявляется как минимум в двух аспектах – основанная на доктринальных положениях модель никогда не бывает идеальной и, более того, она может вариативно воплощать одну доктрину. Доктрина, объединяющая систематизированное учение, анализ нормативных положений, правовых интерпретационных позиций, концепций и теорий, далеко не всегда находит (и может ли найти?) свое полное практическое воплощение, что заставляет отказаться от позиции идеализма, предполагающего безупречное совпадение теоретических концепций (доктрина) и их практического воплощения в конституционно-правовой модели.

Полагаем, что констатация неизбежного расхождения доктринального идеала и правовой модели требует, в том числе и анализа ключевого практического аспекта – ресурсных и институциональных ограничений реализации любой модели, поскольку игнориро-

вание этих «издержек перехода» от сущего к должному несет риск создать нереалистичный, умозрительный образ правового моделирования.

Правовая доктрина, представляя собой сложносоставную структуру (принципы, концепции, теории), формирует идеализированную концепцию правопорядка. Однако ее практическое воплощение в правовой модели часто отклоняется от идеала под влиянием внешних факторов. Переход от теории к практике осложняется недостаточной детализацией доктрины, внутренними противоречиями и дефицитом политической воли.

На первый взгляд, наблюдается противоречие между кажущейся категоричностью доктринальных положений и вариативностью их конституционно-правовых воплощений. Однако тезис о категоричности методологически уязвим: доктрина по природе интерпретативна и полисемантическая, что обусловлено высокой степенью обобщения ее положений. Именно эта имманентная открытость интерпретации, а не внешние факторы, служит основным источником вариативности правовых моделей.

Конституционно-правовые модели нейтральны, как и само право, что порождает интерпретационную вариативность. Различное толкование доктринальных положений приводит к множественности моделей, ставя вопрос о легитимности интерпретаций и критериях разрешения правовых дискуссий. Например, концепция президентской республики, несмотря на общие черты, предлагает значительную вариативность в конкретных конституционно-правовых моделях президентской власти, обозначаемых как американская, германская, французская, российская модели. Такие конституционно-правовые модели формируются под влиянием исторических, культурных и политических факторов. Их динамичность и способность адаптироваться к изменениям подтверждает прикладное значение правовой модели, при котором отклонения от первоначального замысла могут и не свидетельствовать о дефектах регулирования. Например, сравнительный пример Франции и Германии демонстрирует, как одна доктринальная установка на единство порождает противоположные модельные решения: иерархическую вертикаль (Франция) и систему кооперативного федерализма (Германия). Это доказывает, что вариативность является не

отклонением от доктрины, а следствием ее адаптации к национальному политическому контексту.

Ограничения конкретизации. Формирование конституционно-правовой модели не сводится к детализации конституционных положений. Идеальная модель как теоретическая конструкция не всегда находит полное воплощение в законодательстве, что требует разграничения между теоретическим замыслом и нормативной реализацией. При этом правовая модель не ограничивается развитием конституционных норм, представляя собой более сложный процесс воплощения идеальной формы в правовые нормы и их реализацию в правоотношениях.

Конституционно-правовая модель может быть сформирована на основе тех концепций, которые не получили буквального отражения в Конституции, но выработаны и обоснованы правовой доктриной. Пример тому – концепция парламентского контроля, разработанная в рамках доктрины публичной власти (от зачатков парламентского контроля в начале 1990-х гг. до его институционализации в конце 1990-х – начале 2000-х гг.), но фактически так и не отраженная в конституционном тексте. Концепция парламентского контроля становится частью конституционно-правовой модели публичной власти путем принятия федеральных законов о парламентском расследовании (Федеральный закон от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» и Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле»). Справедливости ради, заметим, что этот пример подтверждает и категоричность доктрины, и вариативность выбора конституционно-правовой модели – С. А. Авакьян обращает внимание, что парламентский проект федерального закона о парламентских расследованиях уступил место президентскому проекту, который впоследствии стал основой для принятия закона. В результате, в закон вошли ограничения, исключающие возможность парламентского расследования в отношении Президента РФ и его Администрации, а также было закреплено условие проведения расследования только обеими палатами Федерального Собрания, что фактически нейтрализовало идею парламентского расследования [1, с. 21].

Введение в легальный оборот категории «публичная власть» в целом также является примером движения от доктрины к правовой модели, причем речь в данном случае идет о развитии так называемой интерпретационной составляющей конституционно-правовой доктрины, поскольку первоначально категория «публичная власть» вводится Конституционным Судом РФ в Постановлении от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 г. «Об органах исполнительной власти в Республике Коми». Конституционный Суд РФ, используя категорию «публичная власть» в качестве объединяющей, устанавливает связь между государственной и муниципальной властью, подчеркивая, что публичная власть может осуществляться как государственными, так и муниципальными органами в рамках их собственной компетенции. Это Постановление, а также ряд других, формулирующих правовые позиции по вопросам публичной власти, сформировали доктринальное представление о публичной власти, буквально отраженное в тексте Конституции РФ только в рамках реформы 2020 года.

Доктрина единства публичной власти выступает активным конституирующим фактором, непосредственно определяющим институциональный дизайн и функциональные характеристики формируемой конституционно-правовой модели публичной власти в Российской Федерации. Формирование современной конституционно-правовой модели единства публичной власти в России было инициировано и концептуально обосновано не столько прямым нормативным закреплением, сколько предшествующей работой доктрины (в трудах правоведов и, что принципиально важно, в правовых позициях Конституционного Суда РФ). Процесс перевода доктринальных положений в правовую модель носит нелинейный характер и подвержен значительному влиянию политических решений, которые выполняют роль «фильтра», адаптируя доктринальный идеал под текущие прагматические задачи и ограничения. Конкретные институциональные формы (модели), реализующие доктрину единства (например, механизмы координации, контроля, взаимодействия уровней власти), являются вариативными и зависят не от «категоричности» доктрины, а от ее имманентной интерпретативности и открытости для различного понимания в конкретных историко-политических контекстах.

Список источников

1. Авакьян С. А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: материалы Международной научной конференции. Юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2008. 729 с.
2. Богданова Н. А. Система науки конституционного права. М.: Юрист, 2001. 254 с.
3. Ким Ю. В. Конституционная модель публично-властной организации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 6. С. 25–34.
4. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства: учебник. М., 1999. 560 с.
5. Правовые модели и реальность / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева. М.: Издательский Дом «Инфра-М», 2014. 280 с.
6. Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2 (146). С. 34–38.

References

1. Avak'yan S. A. *Probely i defekty v konstitutsionnom prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps and defects in constitutional law and ways to eliminate them]. *Probely i defekty v konstitutsionnom prave i puti ikh ustraneniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Yuridicheskiy fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova* [Gaps and defects in constitutional law and ways to eliminate them: Proceedings of the International Scientific Conference. Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University]. Moscow, 2008, 729 p.

2. Bogdanova N. A. *Sistema nauki konstitutsionnogo prava* [The system of science of constitutional law]. Moscow, 2001. 254 с.
3. Kim Yu. V. [The Constitutional model of public-governmental organization in modern Russia]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2023, no. 6, pp. 25–34. (in Russ.)
4. Nersesyants V. S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and the State]. Moscow, 1999, 560 p.
5. Akopyan O. A., Vlasova N. V., Gracheva S. A. *Pravovye modeli i real'nost'* [Legal models and reality]. Moscow, 2014, 280 p.
6. Khabrieva T. Ya. [The Doctrinal significance of the Russian Constitution]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2009, no. 2 (146), pp. 34–38. (in Russ.)

Информация об авторе

Конева Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия.

Information about the author

Natalya S. Koneva, Candidate of Sciences (Law), Associate professor, Docent of the Department of Constitutional and Administrative Law, Law Institute, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

Поступила в редакцию 17 сентября 2025 г.

Received September 17, 2025.